

УДК 303.446.23:005.57

Ю.Н. Ермолович

магистр филол. наук, ст. преподаватель каф. философии
Гродненского государственного университета имени Я. Купалы
e-mail: jularada@list.ru

РОЛЬ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЯХ

Гипотезой статьи является тезис о качественной разнородности межкультурных коммуникаций, которые осуществляются между этносами, родственными в цивилизационном плане, и этносами, принадлежащими к разным цивилизациям. На стыке лингвистических концепций коммуникации, цивилизационного подхода и региональной типологии культур автор разделяет многообразие субъектов коммуникации на три группы, относящиеся к разным целостностям триединой мировой системы: Западно-м, Восточному и Восточнославянскому цивилизационным образованиям. Выделены существенные черты каждого из цивилизационных образований, а также характер его коммуникативного поведения. Утверждается, что черты, присущие Восточнославянскому цивилизационному образованию, согласуются с вызовами современности. Осуществление межкультурных коммуникаций в соответствии с мировоззренческими особенностями Восточнославянской цивилизации способно разрешить и смягчить многие глобальные проблемы.

Введение

Региональная типология культур, предложенная Филмером Нортропом, выделяет в качестве несводимых к общим основаниям два региона: Восток и Запад. Данное противопоставление восходит к греческим и китайским трактатам III в. до н.э., в которых о Востоке и Западе писали как о принципиально разных системах. Эта модель активно развивается современной цивилиологией. В социокультурном плане к Востоку относят Индию, Китай, страны, где доминирующей религией является ислам, а также весь Африканский континент. К Западу в самом широком смысле причисляют страны Западной Европы, Австралию и обе Америки (Южную и Латинскую).

Данная модель отражает дуальность западного мировосприятия (в соответствии с одним из законов формальной логики, сформулированным еще Аристотелем, *tertium non datur*), она всегда выбирает: белое или черное. Но человеческое разнообразие предлагает нам и другие виды логик, например, индийскую, в которой белое – это и есть черное, или китайскую, в которой белое может стать черным [1, с. 140]. Т.е. фиксируется наличие некоего промежуточного состояния, которое можно обозначить индийским словом *неди-неги* – ни то ни это.

Говоря словами А. Эйнштейна, возможность наблюдения какого-либо объекта зависит от того, с позиций какой теории мы рассматриваем мир. Поэтому если рассматривать типологию культур на мегауровне, предложенную Ф. Нортропом, славяно-русский, или восточнославянский, мир не наблюдаем. С точки зрения философов-евразийцев, славянофилов или западников, а также ряда современных философов (А.А. Панагин, Ч.С. Кирвель, О.А. Романов, В.Л. Петрушак, А. П. Андреев, А.И. Селиванов и др.) он является самостоятельным, колоритным, не сводимым к другим типам цивилизационным образованием.

Сегодня можно заметить и активное исследовательское стремление к поиску универсального (Дж.П. Мэрдок, К. Уисслер) во всех социокультурных образованиях,

Научный руководитель – Ч.С. Кирвель, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Гродненского государственного университета имени Я. Купалы

общечеловеческих ценностях, что согласуется с политикой глобализма, идеологией либерализма и позволяет говорить о политической и идеологической ангажированности при выделении мегацивилизационных обществ.

Целью данной статьи является анализ поведенческих интенций и мировоззренческих архетипов представителей разных цивилизаций. Первостепенной задачей является обоснование выделения нами именно трех центров, вокруг которых формируются цивилизации. Второстепенной – определение их особенностей, детерминирующих неповторимость и уникальность.

Наличие пласта философских работ, обосновывающих в соответствии с «триадным принципом организации действительности» [2, с. 87] идею наличия трех крупных культурно-цивилизационных образований [2–4], позволяет нам взять за отправную точку положение о наличии в мире трех цивилизаций: Западной, Восточной и Восточнославянской. Причем Западную и Восточную можно считать мегацивилизационными образованиями, поскольку они объединяют несколько цивилизаций, выделяемых по разным критериям. Восточная мегацивилизация – это совокупность китайской, индийской и ближневосточной, а также находящейся в своем становлении африканской цивилизаций. Западная мегацивилизация включает в себя западноевропейскую, североамериканскую, южноамериканскую и австралийскую. Восточнославянская цивилизация включает в себя белорусский, украинский и цивилизационно образующий русский этносы, а не целые цивилизации. Мегацивилизационные образования Запада, Востока и Восточнославянская цивилизации прежде всего качественно различны. Их территориальная несоразмерность не столь существенна.

О трех коренных силах, управлявших человеческим развитием, писал В. Соловьев. Разница между ними в следующем: «Первая стремится подчинить человечество во всех сферах и на всех ступенях его жизни одному верховному началу. ... Другая, прямо противоположная ... стремится разбить твердыню мертвого единства, дать везде свободу частным формам жизни, свободу лицу и его деятельности; ... общее теряет значение реального существенного бытия, превращается в что-то отвлеченное, пустое, в формальный закон, а наконец и совсем лишается всякого смысла» [3, с. 19]. Наличие в истории человечества лишь этих двух сил привело бы к перманентной вражде и борьбе, отсутствию положительного содержания. По убеждению Соловьева, исторические условия не позволяют искать другого носителя третьей силы, кроме славянства и русского народа как его главного представителя. Наличие этой третьей силы «дает положительное содержание двум первым, освобождает их от их исключительности, созидая целостность общечеловеческого организма» [3, с. 20].

Соловьев в качестве ключевых представителей трех сил видел Западную цивилизацию, мусульманский Восток и Славянский мир. Сегодня реалии немного изменились. Османская империя перестала быть цельным и мощным политическим организмом, уступив первенство в своем регионе конфуцианскому Китаю. Между славянскими народами также наметилось отдаление (многие исследователи ставят под вопрос наличие на сегодняшний день общеславянской цивилизации), но ключевых регионов в своем сущностном различии так и осталось три.

Философское осмысление государственной власти позволяет выделить три типа государства, которые территориально совпадают с расположением мегацивилизационных образований и Восточнославянской цивилизации. Номократические страны (др.-греч. *номос* – закон) сформировались в западной мегацивилизации, этократические (др.-греч. *этос* – обычай) – на Востоке, а идеократические (обладающие национально-мессианской идеей, направленной как внутрь, так и вовне) – на Руси.

Ранее нами проводилось сравнение стереотипов у представителей разных цивилизаций друг о друге и был сделан вывод, что стереотипы отражают принадлежность людей к разным цивилизациям [5]. Гипотезой данной статьи является следующий тезис: принадлежность к типу цивилизации определяет поведение субъекта в межкультурной коммуникации (МкК) и, как следствие, ее характер.

Можно говорить как минимум о двух уровнях МкК: поверхностном, представленном обменом репликами с целью понять концепт, и глубинном, проходящем на уровне смыслообразов. Каждое мегацивилизационное образование в ходе многовекового социокультурного развития выработало свои смыслообразы.

Если в межнациональных МкК важно понимание сказанных реплик, следовательно, важно освоение языка, то для их в большей или меньшей степени успешного осуществления достаточно знания языка, этикета, страноведения. Они происходят в общей парадигме фундаментальных мировоззренческих установок. Так, коммуникации между англичанами и французами, французами и немцами считаются межкультурными. Есть даже ряд утвердившихся стереотипных забавных прозвищ, которыми представители этих наций наделяют друг друга. Они настолько распространены, что «зашифрованные» в них нации легко узнаются. Есть и ряд проблем в их взаимоотношениях (франкофонная проблема в Бельгии, борьба каталонцев и ирландцев за независимость). Но эти проблемы относительно, ибо всякое общество не лишено проблем и противоречий. В кризисные же периоды, а также во всех «натисках на Восток» эти противоречия ничуть не мешали данным нациям объединяться и действовать сплоченно и согласованно. О том, представители каких наций нападали на земли Российской империи и СССР в 1812, 1856, 1941 гг., пытались провести интервенцию 1918 г., написано множество работ. Из богатого исторического опыта можно заключить, что единство цивилизационной принадлежности во всех вышеперечисленных случаях являлось более существенным фактором, чем разность принадлежности национальной. Сегодня, когда мир объединяется в региональные центры развития и силы, многие исследователи также указывают на тот факт, что объединение это проходит в рамках единства цивилизаций [6; 7].

Западной мегацивилизации присуща внешняя активность, порождающая завоевательные интенции. Завоевательность в самом широком видении предполагает понимание жизни как борьбы. Это отражается в ряде философских теорий и концепций. Например, «воля к жизни» А. Шопенгауэра, где воля более высокого порядка должна подавить волю более низкого порядка, чтобы гарантировать себе существование. Или концепция «общественного договора» Дж. Локка и Т. Гоббса как способ защиты от *velum omnium contra omnes*. Рекомендации для Сверхчеловека в учении Ф. Ницше позиционируют силу как способ демонстрации своего превосходства над другими. Еще есть концепции С. Хантингтона о столкновении цивилизаций и К. Поппера о врагах открытого общества. А также концепция А.Т. Мэхэна о «морской силе», слагаемыми которой являются военный и торговый флот и военно-морские базы и видение главной опасности для морской цивилизации в лице континентальных государств Евразии (России и Китая). Все эти концепции и теории – закономерное явление сущностной особенности Западной цивилизационной модели – ее деятельной активности.

Поскольку это ключевая интенция, то она прослеживается и в искусстве. «Моби Дик», «Выживший» и многие другие произведения литературы и кинематографии – повествования о выживании, о борьбе за существование. Эта идея вечной борьбы с чем-то внешним (условиями, обстоятельствами, врагами), перманентного ощущения окружающего мира как источника бесконечных опасностей проявляется в западной культуре повсеместно – от киноиндустрии до свинцовых подвалов в США с двухлетними запасами провианта на случай конца света и надувных лодок на чердаках в Голландии на слу-

чай затоплення. Активность, борьба – атрибуты анимуса. И это позволяет определить Запад как проявление мужественного начала (Ремизов, Бердяев).

Западная мегацивилизация реализует себя в мире чувственном, она полностью погружена в бытие, отрицая метафизику, закрывая для себя даже возможность наличия небытия [8, с. 4]. Национально-стереотипные представления европейских народов (немецкая пунктуальность, французское умение себя подать, английская сдержанность [9, с. 110–115]) суть проявления укорененности в бытии. Представители этой мегацивилизации действенны, т.к. торопятся проявить себя в вещном, материальном мире. Славянская же и восточная непунктуальность как бы говорит в ответ: в жизни есть нечто более важное, чем подчинение диктату минутной стрелки. И сегодня, когда западноевропейская философия постмодерна бьется в конвульсиях, заявляя о тотальной разрозненности, взаимной «подстановочности знаков» и «смерти автора», русская и восточная философская традиции предлагают ясные идеи того, как можно гармонизировать отношения социокультурных сообществ, снизить напряженность в межкультурных отношениях.

Востоку характерен растворительный способ отношений. Совесть, преданность, сыновняя почтительность, гуманность, интеллект, трудолюбие, приверженность к середине [10, с. 20] как ключевые ценности представителей китайской цивилизации являются следствием этого способа отношений. Ведь если человек растворяется в другом, тогда другой на первом месте, поэтому активна совесть как ответственность за свои поступки перед другими, преданность как стремление служить другому, почтительность как нежелание обидеть другого, гуманность как забота о другом, трудолюбие как стремление принести пользу другому и т.д. «Дело не в том, что для китайцев не существует понятий завистливости и прагматизма. Дело в том, что эти понятия в китайской системе ценностей занимают последние места и в этом смысле являются понятиями отрицательными, антигуманными» [10, с. 21].

Интенции славяно-русской цивилизации, по мнению А.И. Селиванова, осуществляются на основе понятия добра [11, с. 215]. Концепции соборности, мессианства, стремление улучшить не только свою жизнь, но и жизнь всего человечества пронизывают философию и поэтику В. Соловьева, Н. Бердяева, И. Ильина, П. Флоренского. Причины рождения таких теорий и концепций – проявление открытости Восточнославянской цивилизации. Для Восточнославянской цивилизации характерно:

- стремление к правде, справедливости и смыслу жизни, а не к материальным ценностям;
- способность жить социально значимой идеей (духовная анемия и ослабление ценностей представляют более серьезную опасность, чем избыток воодушевления или склонность к мифотворчеству);
- этикоцентричность как неспособность проводить четкое различие между повседневными рутинными обязанностями и высшим служением;
- умение согласовывать и гармонизировать разнородные начала (этнические, культурные, социальные);
- натурфилософский органицизм;
- диалоговый архетип (вселенская отзывчивость, презумпция ценности другого, способность к кооперации с носителями иных типов опыта) [7, с. 297–299].

История взаимоотношений западной цивилизации с разными народами знает ситуации и «культурного гетто» (для выходцев из стран исламского мира во Франции), и геноцида (для индейцев в Америке), и ассимиляции как универсальной практики для всех европейских стран. Вхождение различных народов в славянорусскую цивилизационную общность не означает для них разрыва с исходными цивилизационными сообществами.

Историческая поликультурность восточнославянского региона, его нахождение на границе Запада и Востока сформировали особые социокультурные условия, в которых творчески синтезируется опыт иных культур, избегается впадение в крайности.

Принадлежность к одному из мегацивилизационных образований влияет на диалог, определяя его темп, тематический спектр, направленность. От того, к какой мегацивилизации принадлежит субъект межкультурных коммуникаций, будет зависеть его поведение в диалоге, понимание процесса и результата диалога. Общение может происходить с разных позиций: с позиций обладания и бытия. Общение по принципу обладания воспроизводят представители Западного мира, по принципу бытия – Восточнославянского [12, с. 159].

Помимо языка, который можно услышать, записать, перевести, в МкК задействованы архетипы, коды своей цивилизационной принадлежности. В межкультурных МкК важно понимание глубинных мировоззренческих смыслов и мотивов, которые могут быть скрыты в этикете, неписаных нормах поведения, произведениях искусства и многом другом. Для людей, живущих с интенциями деятельности, внешней активности, единство взглядов достигается посредством убеждения других в своей точке зрения. Так, древнегреческий форум, сократический метод майевтики – это скорее способ положить собеседника на лопатки, а не достичь с ним понимания. «Эристика, или искусство побеждать в спорах» А. Шопенгауэра, в которой он дает 38 тактик ведения спора, целью которого является не истина, а успешная формальная аргументация, отсылает нас к деятельности древнегреческих софистов.

Несомненно, западные коммуникативисты являются пионерами в области МкК, разработав ряд концепций коммуникации. Но при всем методологическом разнообразии эти концепции отражают ключевые моменты западной мегацивилизационной общности. Так, прагматическая концепция коммуникации рассматривает речь как действие, но действие отражает активность, а это вновь отсылает нас к «прометеевскому» человеку Запада. Он совершает активные действия в природной и социальной среде и даже свою речь рассматривает как активное делание. Коммуникативистика зародилась в недрах Западной цивилизации и продолжает развивать способы воздействия на представителей иных цивилизаций как эффективный инструмент решения прагматических задач, в частности, расширения рынков сбыта своих промышленных товаров и услуг, продукции массмедиа, завоевание языком (увеличение числа англицизмов во многих языках и распространение английского языка как международного).

Конечно, можно привести примеры мыслителей, в концепциях которых не была радикализована интенция агрессии и стремления защититься от внешнего воздействия (теории Ю. Хабермаса, М. Бубера, представителей западной религиозной философии). Но интенция деятельности в их концепциях также сохраняется.

Диалог на Руси развивался в форме согласования и поиска решения, оптимального для всех [12, с. 160]. Славянское вече – это и есть та форма диалога, в котором после выслушивания всех точек зрения принималось решение, оптимальное для всех.

Восток производит общение, метафорически выражаясь, по принципу небытия. Оставить свой голос невысказанным, дать слово стоящему выше по должности – норма этикета и субординации. В одном из учебников русского языка для японцев приводится следующий диалог: «Мама, мне звонили сегодня?» – «Да». – «Кто?» – «Никто».

Неравенство аргументации в пользу каждого цивилизационного образования позволим себе объяснить словами В. Соловья: «Современные русские ангажированы Востоком – эмоционально-аффективно и интеллектуально – несравненно меньше, чем Западом» [13, с. 127].

Диалог диалектичен по своей сути, заключая в себе конфликт и единство. Субъекты МкК являются носителями разного мировоззрения, обладают разным опытом и т.д.,

но через преодоление непохожести эти субъекты стремятся достичь понимания, т.е. единства взглядов. Но эти взгляды не могут обладать предзаданностью: или – или. Они могут быть чем-то третьим, даже не предполагавшимся. Невозможность даже мысленно допустить наличие третьего чревато впадением в крайности и перегибами. Поэтому в современном образовании необходимо преодолеть дуалистический подход. В изучении дисциплин социогуманитарного цикла необходимо одинаково серьезно рассматривать специфику, культуру, философию и основные исторические вехи Востока, Запада и Восточного славянства. Это будет способствовать более продуктивному межкультурному диалогу, в котором самое главное – способность понять архетипы.

Заклучение

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, межнациональные МкК в рамках одной цивилизации и межкультурные МкК качественно различны. Эти коммуникации задействуют разные пласты образов. На уровне межнациональных МкК происходит понимание реплик, концептов. Глубинный уровень МкК составляет понимание архетипов и смыслообразов, порожденных определенной цивилизацией.

Во-вторых, архетипы и смыслообразы восточнославянской цивилизации созвучны требованиям настоящего, и их использование в МкК способно оказать существенное воздействие на решение глобальных проблем современности. Межкультурные МкК будут проходить лучше, когда субъекты разных цивилизаций будут знать особенности друг друга, а это требует включения в образовательные программы курсов по философии и истории культуры всех цивилизационных образований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григорьева, Т. П. Восток и Запад как путь мирового развития / Т. П. Григорьева // *Вопр. философии.* – 2015. – № 6. – С. 138–140.
2. Петрушак, В. Л. Триединство цивилизационного бытия человечества как проявление триалектической модели организации социума / В. Л. Петрашук // *Весн. Гродз. дзярж. ун-та ім. Я. Купалы. Сер. 1, Гуманітарныя навукі.* – 2012. – № 3. – С. 86–90.
3. Соловьев, В. С. Три силы / В. С. Соловьев // *Сочинения : в 2 т. / В. С. Соловьев.* – М., 1989. – Т. 1. – С. 19–31.
4. Сергиенко, П. Я. Триалектическая концепция мироздания [Электронный ресурс] / П. Я. Сергиенко // *Академия Тринитаризма.* – 2004. – М., Эл. № 77–6567, публ. 11108. – Режим доступа: <http://www.trinitytas.ru>. – Дата доступа: 16.06.2016.
5. Радюк, Ю. Н. Стереотипы в межкультурной коммуникации / Ю. Н. Радюк // *Весн. Гродз. дзярж. ун-та ім. Я. Купалы. Сер. 1, Гісторыя, філасофія, паліталогія, сацыялогія.* – 2010. – № 3 (101). – С. 96–104.
6. Кирвель, Ч. С. Современные глобальные трансформации и пути самоопределения восточнославянских народов : монография / Ч. С. Кирвель [и др.] ; под науч. ред. Ч. С. Кирвеля. – 2-е изд., перераб. и доп. – Гродно : ГрГУ, 2009. – 547 с.
7. Романов, О. А. Восточнославянская цивилизация в горизонте открытой истории / О. А. Романов. – Гродно : ГрГУ, 2014. – 334 с.
8. Чанышев, А. Трактат о небытии / А. Чанышев // *Вопр. философии.* – 1990. – № 10. – С. 4–11.
9. Кобозева, М. Н. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов / М. Н. Кобозева // *Вест. МГУ.* – Сер. 9, Филология. – 1995. – № 3. – С. 100–118.

10. Базанов, А. В. Китайская цивилизация / А. В. Базанов, Л. Е. Криштапович ; Информ.-аналитич. центр при Администрации Президента Респ. Беларусь. – Минск : Право и экономика, 2012. – 55 с.
11. Андреев, А. П. Русская традиция / А. П. Андреев, А. И. Селиванов. – М. : Алгоритм : Алгоритм-книга, 2004. – 317 с.
12. Миронова, Т. Русские идеалы в русском языке / Т. Миронова // Наш современник. – 2014. – № 1. – С. 143–165.
13. Соловей, В. Не Запад. Не Восток. Не Евразия / В. Соловей // Свободная мысль. – 2005. – № 12. – С. 111–131.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 29.11.2016

Ermolovich Yu.N. The Role of Civilizational Identity in Intercultural Communication

The hypothesis of the article is the thesis of the qualitative diversity of intercultural communication that takes place between the ethnic groups, related in terms of civilization and ethnic groups belonging to different civilizations.

At the junction of the linguistic concepts of communication, civilized approach and a regional typology of cultures the author divides the diversity of the subjects of communication into three groups belonging to different totalities triune systems of the world: Western, Eastern, and Eastern Slavic civilization formations. By analyzing the different concepts the author singles out the essential features of each of civilization formations, as well as the nature of its communicative behavior. The article states that the features inherent in the Eastern Slavic civilization education are consistent with the challenges of modern times. Implementation of cross-cultural communication in accordance with the peculiarities of the Eastern Slavic civilization worldview is able to resolve and mitigate many global problems.